

В. С. СОЛОВЬЕВ

Порфирий Головлев о свободе и вере

Заметка

Ишь ведь как пишет! ишь как языком-то вертит! Ни одного-то ведь слова верного нет!.. все-то он лжет! и «милый дружок маменька», и про тягости-то мои, и про крест-то мой... ничего он этого не чувствует!..

*М.Е. Салтыков*¹

Со словом нужно обращаться честно...

*Гоголь*²

Веротерпимость, или религиозную свободу, я считаю такою же важною и насущною потребностью для современной русской жизни, какою сорок лет тому назад была потребность в освобождении крестьян. Среди множества разных дел, возникающих в нашей общественной жизни и литературе, есть в настоящее время только три существенные: дело народного образования, дело материального самосохранения народа (вопрос продовольственный и санитарный) и, наконец, дело религиозной свободы. С этим третьим связаны все нравственные задачи и вся историческая будущность России, а потому его следует считать еще более важным, чем два первые важные дела нашей жизни. Придя к такому убеждению, я считаю нужным при всяком случае обличать те лживые уловки, посредством которых противники веротерпимости (в нашей печати) стараются отстранить или задержать единственно правильное решение этого вопроса. Заметка моя «Исторический сфинкс»^{3*}, в которой между прочим перечислены ходячие софизмы против религиозной свободы, вызва-

* «Вестник Европы», июнь, 1893.

да появление нескольких новых, еще более грубых софизмов *. Я собирался отметить и их, как вдруг в области того же вопроса и по тому же поводу совершилось нечто, совсем выходящее из ряда вон: против веротерпимости выступил сам господин Порфирий Головлев, более известный под именем *Иудушки*. Статья о свободе и вере, только появившаяся в одном из здешних журналов, не подписана именем Головлева, но совокупность внутренних признаков не оставляет никакого сомнения насчет действительного автора: кому же, кроме Иудушки, может принадлежать это своеобразное, елейно-бесстыдное пустословие? ** В сравнении с этим все измышления и кривотолкования других противников религиозной свободы, как, напр<имер>, г. Л. Тихомирова, кажутся чем-то прямодушным и добропорядочным; беспристрастный разбор их под таким впечатлением даже совершенно невозможен; отлагаю его до другого раза, а теперь прошу внимания для несравненного Иудушки.

I

ОСНОВНАЯ МЕТОДА ПУСТОСЛОВИЯ У ИУДУШКИ

Одна из главных характерных черт нашего пустослова состоит, как известно, в том, что от вопросов жизненного практического значения он отделяется отвлеченными рассуждениями, не имеющими никакого реального отношения к делу. Так, например, старуха Головлева желает знать, как ей быть с промотавшимся и спившимся старшим сыном; обращается за советом к Иудушке и слышит следующее: «если вы позволите мне, милый друг маменька, выразить мое мнение, то вот оно в двух словах: дети обязаны повиноваться родителям, слепо следовать указаниям их, покоить их в старости — вот и все. Что такое дети, милая маменька? Дети — это любящие существа, в которых все, начиная от них самих и кончая последней тряпкой, которую они на себе имеют, — все принадлежит родителям. Поэтому родители могут судить детей, дети же родителей — никогда. Обязанность детей — чтить, а не судить» и т. д.

* В «Русск<ом> обозр<ении>» и «Моск<овских> вед<омостях>».

** «Русский вестник», 1894 г., № 1, статья «Свобода и вера», с подписью В. Розанов. Под этим именем несколько лет тому назад появилась прекрасная брошюра о «месте христианства в истории»⁴. Ни по содержанию, ни по положению не имеющая ничего общего с новейшим произведением Иудушки: совпадение его псевдонима с именем автора той брошюры произошло, очевидно, случайным образом.

Другой случай. Сын Иудушки должен заплатить проигранные им казенные деньги; в последней крайности он обращается к богатому отцу за помощью, а тот ему отвечает: «У Иова, мой друг, Бог и все взял, да он не роптал, а только сказал: “Бог дал, Бог и взял — твори, Господи, волю Свою! Так-то, брат”». Вот, наконец, решение вопроса о судьбе младенца, незаконно прижитого самим Иудушкой: «Я так рассуждаю, что ум дан человеку не для того, чтобы испытывать неизвестное, а для того, чтобы воздерживаться от грехов. Вот ежели я, например, чувствую плотскую немощь или смущение и призываю на помощь ум: укажи, мол, пути, как мне ту немощь побороть, — вот тогда я поступаю правильно, потому что в этих случаях ум, действительно, пользу указать может». А вот у женщин, заключает Иудушка, «на счет ума — не взывайте! Оттого и впадают они в прелюбодеяние!»

Не следует, однако, думать, что такое отношение к жизненным вопросам происходит от бескорыстной страсти к умственным упражнениям. Отвлеченным пустословием Иудушка прикрывает всегда какую-нибудь совершенно конкретную гадость. Определение детей как любящих существ ведет к тому, чтобы забрать в свои руки все имущество матери; воспоминанием об Иове украшается отказ погибающему сыну в необходимых ему деньгах, а рассуждением о значении ума в борьбе против грехов подготавливается отречение от своего незаконнорожденного младенца.

Эту методику, усвоенную им в частной жизни, Иудушка всецело применяет и к литературному обсуждению вопросов общественных.

II

ПУСТОСЛОВИЕ О СВОБОДЕ ВООБЩЕ

В известной стране, где существуют законодательные и административные ограничения религиозной свободы, возникает вопрос об их справедливости и целесообразности*. Нужно ли сохранить эти ограничения свободы или отменить их вполне, или отчасти, или, наконец, требуется их усилить? Иудушка держится, как увидим, последнего мнения; он желал бы, чтобы существующая доля религиозной свободы была «безмерно» сокращена, но, верный своей методике, прямо такого желания не высказывает

* Этот вопрос относительно старообрядцев поднят недавно и в «Новом времени».

и не доказывает, а пускается в протяженно-сложенные рассуждения о вещах, относящихся к делу так же мало, как терпение Иова к полковой кассе. О реальном положении религиозной свободы, о практическом значении вопроса нет ни одного слова во всей статье. Для Иудушки, по-видимому, так же несносно говорить об этом, как и о действительных причинах несчастья, случившегося с Евпраксеюшкой.

Он начинает с уверения, что свобода вообще беспрепятственно торжествует повсюду; она все преодолевает; эта идея, очевидно, торжествующая; она, бесспорно, даже господствует; но уже не творит *; она никого более не насыщает и не радует.

«Чувство свободы было радостно, пока она была тождественна с *высвобождением*, сливалась с понятием независимости; был некоторый гнет определенный, тесный, сбросить который было великим облегчением; эпическая борьба, наполняющая собою конец прошлого и первую половину нынешнего века, вся двигалась идеей свободы в этом узком и ограниченном значении: был феодальный гнет — и было радостно высвобождение из-под него; был гнет церкви над совестью — и всякая ирония над нею давала наслаждение. Тысячи движений, из которых сложилась история за это время, движений то массовых и широких, то невидимых и индивидуальных, все были движениями, разрывавшими какую-нибудь определенную путу, какою был стеснен человек, вернее, скреплен с человечеством. И когда эти тысячи движений окончены или близки к концу, побуждение, лежавшее в основе их, правда, носит то же название, но каков его смысл и какова точная цена для человека? Оно обобщилось, стало идеей в строгом смысле и, с этим вместе, потеряло для себя какой-нибудь предмет; *с падением всяких пут*, что, собственно, значит свобода для человека?» **

Что бы она бы ни значила с падением всяких пут, пока они не пали, идея свободы имеет очень определенное значение и предмет, — именно, она совпадает с потребностью того высвобождения из внешних пут, которое и сам Иудушка должен невольно признать желательным и радостным. Там, где нет никакого гнета и никаких пут, нет и вопроса о свободе; а там, где внешнее *искусственное* стеснение существует, там и свобода не есть отвлеченная «идея», а натуральная жизненная потребность. Но раз устремившись в свою сферу, т. е. в пустое место, Иудушка не скоро оттуда выйдет; ему непременно нужно поговорить об отрицательном характере свободы *вообще*. «Она испытана, — разглагольствует он, — и не то, чтобы в испытании

* «Русск<ий> вестн<ик>», с. 265.

** «Р<усский> в<естник>», с. 266.

этом оказалась горькою — этого чувства не было; но она оказалась как-то пресна, без особенного вкуса, без сколько-нибудь яркой ощутимости для человека, который после того, как был вчера, и третьего дня, наконец, давно свободен, вдобавок к этому и сегодня свободен. После тысячетлетней стесненности чувство свободы было бесконечно радостно; не оно собственно, но момент прекращения стеснения, т. е. ощущение почти физическое; после вековой свободы, когда и вчера ничего не давило меня, какую радость может дать мне то, что и сегодня меня никто не давит? Здесь нет положительного, что насыщало бы; только ничто не томит, не мучит, — но разве это то, что нужно человеку?» *

Указывать на неощутимость *прошедшего* давления в ответ на вопрос о давлении *настоящем*, толковать о чьей-то вчерашней и вековой свободе, когда дело идет о тех, которые несвободны и сегодня, — вот подлинная Иудушкина манера. Его спрашивают, нужно ли выпустить на чистый воздух людей, задыхающихся в подвале, а он в ответ: что есть чистый воздух? это есть нечто пресное, безвкусное, хотя и не горькое; в нем нет положительного, что насыщало бы; чистым воздухом никого не накормишь; разве это то, что нужно человеку и т. д. — Этаким бесстыдным пустослов!

Дальше еще лучше. Ставится вопрос: что значит свобода «для обладателя пачки процентных бумаг, гражданина мира, который в этой пачке имеет для себя условие всего положительного, и в свободе только отрицательное условие безграничной широты употребления этих бумаг» **. Когда речь идет о веротерпимости, при чем тут процентные бумаги? Очевидно, в порыве пустословия навернулись они на язык — как у лейтенанта Анучкина ⁵ «гранитные деревца» — он и сболтнул.

III

ИУДУШКА ОТКРЫВАЕТ СВОЮ ВЕРУ

Вглядываясь в серый туман Иудушкина пустословия, с трудом различаешь наконец нечто вроде мыслей. Во-первых, Иудушка утверждает, что только вера имеет право на свободу: «только поверив, я могу требовать некоторой свободы» ***.

* Там же.

** «Р<усский> в<естник>», с. 267.

*** «Р<усский> в<естник>», с. 269

Положим так: поскольку дело идет о свободе исповедания и проповедания, само собою понятно, что кому нечего исповедывать и проповедывать, тот и в свободе для этого не нуждается. Но если факт веры дает право на свободу, то при множестве разных существующих вер каждая из них будет иметь одинаковое право со всеми, что и называется веротерпимостью. А это именно Иудушке и не хочется допустить, и вот что он начинает плести:

«Никем не замечено было, что смысл свободы есть собственно субъективный и она не может быть понимаема в смысле требования универсального... Свобода в универсальном смысле, как требование ее для всего, став сознанием каждого индивидуального существа, не означала бы здесь ничего, кроме отрицания им в себе самом значения; только не веруя более ни во что, можно требовать для всего свободы... И как я, всякий субъект может сохранить веру в истинность своего содержания, не требуя *для него* свободы жизни, движения, распространения, — и *ограниченный для всего*, что этому мешает, хотя оно так же жило по своим особым законам; но я, живущий, в эти законы заглянуть *не могу*, — и *не должен*, насколько я верю и хочу жить» *.

Итак, свобода только *для себя* и ограничения для всего прочего. Теперь, по крайней мере, ясно, какой веры держится сам Иудушка. Вопреки своему собственному утверждению, он дал нам возможность заглянуть в закон его жизни. Нового, правда, мы там ничего не найдем. Это тот же самый закон, которому следовал в своей жизни африканский дикарь, говоривший миссионеру: «когда у меня уведут жен и коров — это зло, а когда я уведу у другого — это добро». Всякий зверь и всякая птица, если бы они имели дар слова, высказались бы, наверно, в том же смысле. Тот «закон жизни», для которого Иудушка требует полной свободы и во имя которого он желал бы ограничить все остальное, есть просто *закон жизни животной* — и больше ничего.

IV

ИУДУШКА КЛЕВЕЩЕТ НА ПРАВОСЛАВНУЮ ЦЕРКОВЬ

Но Иудушка не был бы самим собою, если бы верообразно-дикую сущность своей веры или своего «закона жизни» он высказал прямодушно от своего собственного имени или от имени единомышленных ему зверей и диких людей. По натуре своей он еще более лжив, чем скотоподобен; свой готтентотовский субъ-

* «Р<усский> в<естник>», с. 268, 269. Курсивы мои.

ективизм он фальшиво привязывает к универсальной и объективной истине христианства; он лжет и клеветает на православную церковь, выставляя себя говорящим от ее имени. Свой «закон жизни» он приписывает ей: и она будто бы признает свободу только *для себя*.

«Как и все, — говорит он, — живущее каким-нибудь утверждением, она допускает свободу лишь при условии слияния с собою в этом утверждении... Таким образом, церковь *не только не допускает какой-либо борьбы с собою, но и не знает этого, что могло бы с нею бороться под иным углом, как только подлежащее исчезновению, разъяснению...* Итак, мы утверждаем, *доля свободы, уже теперь допущенной церковью, безмерно превышает ту, которая допустима по существу ее веры в себя*, и эта податливость должна быть отнесена исключительно к несовершенству того, что мы назвали внешним и временным ее выражением. *Не поднимается грешная рука закрыть уста хулящие*. Есть воля к этому, есть сознание об этом, есть перед нами святой закон; но вот он лежит, и кто же поднимет его?.. И вот мы возвращаемся к терпимости, против которой хотели говорить... повторяем, в вере ее нет, в церкви — нет, в религии нет... *Допустить обсуждения истин своей веры церковь не может*, — не по боязни их колебания, но *по отвращению к подобному обсуждению*; и не только обсуждения этих истин, но и малейшего отступления от целости своей христианской жизни каждого единичного своего члена... *отступающий от церкви для нее презрен до невыносимости его видеть, вот источник церковной нетерпимости*, которая и не может быть сужена иначе, как через упадок в верующих яркости сознания факта, на котором основана их вера» *.

Что в *истории* восточной, как и западной церкви, бывали не только единичные проявления, но и целые эпохи, запечатленные религиозной нетерпимостью, что в православных государствах имели и имеют место ограничительные законы против иноверцев — это факт несомненный, без которого нам не пришлось бы теперь и рассуждать о религиозной свободе как о жизненном вопросе. Но чтобы нетерпимость принадлежала к самому существованию христианской церкви — этого мы еще ни от кого не слышали, кроме Иудушки. Против него свидетельствует даже г. Л. Тихомиров⁶, заявляющий: «...конечно, терпимость есть правило самого православия» **.

* «Русский вестник», с. 273, 274, 275, 277, 278. Курсивы мои. Я собрал более яркие места, которых яркость в самой статье несколько затемняется туманом Иудушкина пустословия.

** «Русское обозрение», 1893 г., № 7, с. 383.

ПОНЯТИЯ ИУДУШКИ ОБ ИНОСТРАННЫХ ИСПОВЕДАНИЯХ

Если Иудушка так бесцеремонно относится к той церкви, к которой сам принадлежит по рождению, то можно себе представить, на что он способен по отношению к чужим церквям: ведь по его принципу он не может и не должен даже «заглянуть в закон их жизни». Казалось бы, что в таком случае нечего о них и говорить. Но Иудушка говорит, и даже с жаром, об обоих западных вероисповеданиях. Протестантизм он объявляет неверием на том основании, что протестанты (?) не причащают, а иные и не крестят своих младенцев, дожидаясь зрелого возраста.

«Мы не можем этого понять, — рассуждает он, — видя, как этих же детей, не спрашивая их свободы, не дожидаясь их выбора, родители и обучают, избрав за них сами методы, и оберегают, определив методы ухода, лечения и проч. Мы не можем удержаться от мысли, что во всем этом, что им дают и что с ними делают так твердо от рождения, есть истинная вера, есть убежденность; я верую, что это благо, — как не сделаю этого тому, кого люблю больше себя? Итак, если делаю себе вот это другое благо, я, однако, удерживаюсь делать его ребенку своему, которого люблю более себя, верую ли я в это благо и тогда, когда себе его делаю?» *.

Рассудив таким образом, Иудушка затем уже безо всяких дальнейших оснований объявляет, что протестантизм есть неуверенность в исповедуемом, или слабоверие **.

Я не стану защищать, ибо не считаю правильными упомянутых обычаев, которые, впрочем, не заключают в себе ничего специфически протестантского ***. Но хотя бы они заслуживали полного осуждения, объяснять их неверием можно только при особом, головлевском способе мышления. По этой логике, если я верю в таинство брака и считаю супружество для себя делом добрым, то я непременно должен поскорее женить своих грудных младенцев, «не спрашивая их свободы, не дожидаясь их выбора: я верую, что это благо, — как не сделаю этого тому, кого люблю больше себя?»

Что касается католичества, то Иудушка, как известно, интересовался им уже давно, задолго до выступления своего на литературном поприще. Помните его беседу с головлевским батюшкой на по-

* «Р<усский> в<естник>», с. 280.

** Там же, с. 281.

*** Не крестит малолетних только незначительное меньшинство протестантов (баптисты и т. п.); что же касается до причащения младенцев, то оно, кроме протестантов, не принято и у католиков.

хорошном обеде? — «А вот католики, — продолжает Иудушка, переставая есть, — так те, хотя бессмертия души и не отвергают, но взамен того говорят, будто бы душа не прямо в ад или в рай попадает, а на некоторое время в среднее какое-то место поступает» *.

Со времени этой беседы Иудушка почему-то до чрезвычайности ожесточился против католичества и говорит о нем уже в другом тоне:

«Не более, чем в протестантизме, есть веры и в католичестве: иезуит, во имя Христа хватающий протестантского ребенка и, читая молитву крещения, обваривающий его кипятком, дабы он не остался жив, не вернулся к родителям и не стал в ряды “колеблющих камень Петра”, — эта смесь бреда, лукавства, исступления и смешных фокусов (*reservatio mentalis* ** при клятве) — разве это вера?» ***

Обваривать младенцев кипятком не есть правило католической церкви; но замечательно, что подобный поступок совершенно согласуется с правилами самого Иудушки. Ведь он решительно утверждает, что все противное нашей вере должно иметь для нас значение *только как подлежащее исчезновению*, рассеянию; что отступающий от церкви презрен до невыносимости его видеть и т. д. Ну, что же? Предусмотрительный (хоть и несуществующий) иезуит признал в протестантском младенце будущего противника своей церкви и подверг его скорейшему «исчезновению», и негодовать на него Иудушка может не за это деяние, а только за то, что он иноверец. Вспомним также заявление Иудушки, что существующая у нас веротерпимость *безмерно* превосходит ту, которая должна быть; следовательно, требуется безмерное ее сокращение, т. е. безмерное увеличение вероисповедных стеснений, а при такой *безмерности* где было бы принципиальное препятствие к обвариванию иноверных младенцев кипятком? Это не напраслина на Иудушку, а прямой вывод из его нелепых слов. Со словом нужно обращаться честно.

VI

ИУДУШКА ВСПОМИНАЕТ СОДОМ И ГОМОРРУ

Когда нужно было отказать ближнему человеку в необходимом, Иудушка вспоминал Иова и его терпение. Теперь, когда он

* Из биографии нашего автора, написанной Салтыковым.

** мысленная оговорка, обуславливающая несостоятельность произнесенного вслух обета (лат.).

*** «Р<усский> в<естник>», с. 281.

старается внушить «безмерную» строгость к иноверцам, он вспоминает Содом и Гоморру и даже полемизирует против терпения, как и против терпимости.

«Свобода * есть слияние в любви, но во имя любви к высшему, чем согрет, просвещен, оживотворен человек; и когда эту животворящую, греющую, светящую истину он оскорбляет, конечно, предательством ей было бы, если бы мир стоял и смотрел на это спокойно, — тот мир, который ею жив. Итак, негодование и наказание есть то, что следует после долготерпения, любви, усилий исцелить для неисцелимого: долготерпения без конца не указал человеку Бог, и Он не терпел Гоморру и Содом; значило бы обратить землю в них, если бы высшим, никогда не нарушаемым законом для нее поставить мертвое терпение» **.

Вот наконец справедливое замечание! Я тоже думаю, что долготерпения без конца не указал человеку Бог и что земля превратилась бы в Содом и Гоморру, если бы, например, такие писатели, как Иудушка, не возбуждали негодования и не получали должной мзды. Однако и это единственное справедливое замечание сделано некстати. Разве речь шла о неисцелимой нравственной негодности? Если бы Иудушка с правдивым благочестием относился к указаниям священных текстов, а не злоупотреблял ими для своей скверной тенденции, то он по вопросу о веротерпимости припомнил бы не Содом и Гоморру (коих грехи не принадлежали ни к какому вероисповеданию), а то самарянское селение, где из-за религиозной розни не приняли Христа, как идущего в Иерусалим. «Видя то, ученики его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи, хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал? Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: *не знаете, какого вы духа?*» (Ев<ангелие от> Луки, IX, 54, 55).

VII ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Но так как Евангелие еще не написано для Иудушки, то ему и приходится вопрошать: «Итак, что же грешным рукам, оберегающим церковь, делать, слыша хулу на оберегаемое из тысяч

* Относясь к слову систематически нечестно, Иудушка называет свободой то, что все называют несвободой. Выше (с. 276) он указывает, что идеальная свобода «не исключает страдания, *тесноты* для людей».

** «Р<усский> в<естник>», с. 286.

уст?» Сквозь чащу нового пустословия пробираемся к окончательному ответу. Нельзя сказать, чтобы он был выражен прямо, но смысл его ясен, особенно в связи со всем предыдущим:

«Человек должен защищать все доброе, благое, истинное, не по недоверию к его способности устоять, *но по природе своей*; ведь и грудной ребенок, видя, как подняли руку над его мамкой, кричит и *протягивает ручки*, чтобы ее защитить; как же требовать, чтобы народы не делали подобного движения, когда поднимается рука на церковь их, когда хула открывается на самого Бога?» *.

Почему народы непременно должны в образе своих действий следовать примеру грудных младенцев, которые, однако, как известно, делают и претерпевают многое, чего не только народам, но и отдельным лицам, вышедшим из младенчества, делать претерпевать неудобно? Не думаю, впрочем, чтобы со стороны Иудушки это было только неудачное сравнение. Что всякий человек должен защищать и естественно защищает истину, в которую верит, — это само собою разумеется, об этом нет никакого вопроса и спора. Вопрос был и есть только о том: *каким средствами* должно защищать истину веры — духовным ли оружием, т. е. словом убеждения и обличения лжи, или же вещественным оружием, т. е. принуждением к молчанию, тюрьмою, ссылкой и т. д. Указание на бессловесного младенца, протягивающего ручки, свидетельствует, что наш автор стоит за физические внешние средства в религиозной борьбе; в этом же и весь смысл его статьи. И, однако, сказать это прямо, назвать вещь своим именем он не решился. Человеколюбие требует вменить ему в некоторое смягчающее обстоятельство этот последний, практически бесполезный, остаток стыдливости. Вместе с тем это есть самое яркое обличение той лжи, которую высказать до конца стало стыдно даже Иудушке!⁷

* «Р<усский> в<естник>», с. 287. Курсив мой.